

I. Суд над Никоном и его низложение

Главная цель, для которой приглашены были в Москву Восточные патриархи, состояла в соборном суде над патриархом Никоном. И они занялись этим делом прежде всего и занимались около месяца. Всех собраний Собора для суда над Никоном было восемь: три - предварительных, или приготовительных, четыре - посвященных самому суду над Никоном (два - суду заочному и два - суду в присутствии подсудимого) и одно - заключительное, на котором происходило только объявление и исполнение судебного приговора. О соборном суде над Никоном сохранилась современная запись, составленная царскими дьяками, о первых заседаниях Собора только краткая, а о последующих и краткая и довольно подробная. Дополнениями к этой записи и как бы пояснениями ее могут служить, с одной стороны, сказания одного из присутствовавших на Соборе, именно Паисия Лигарида, хотя, к сожалению, о двух из первых заседаний он говорит смешанно, без соблюдения хронологии, а с другой - сказания дьяка Шушерина, который хотя не присутствовал на Соборе, писал о нем только по слухам спустя около пятнадцати лет и не скрывает своего пристрастия к Никону, но также сообщает некоторые любопытные подробности. Сохранились еще некоторые подлинные документы, относящиеся к судебному делу Никонову, и краткие современные сказания и заметки о нем.

Во второй день ноября 1666 г. - так начинается современная запись о суде над Никоном - Восточные патриархи. Александрийский Паисий и Антиохийский Макарий, прибыли в Москву, четвертого числа представлялись царю в Грановитой палате и удостоились быть у его стола, а пятого числа "в третьем часу ночи (по тогдашнему счету времени) святейшие патриархи были у великого государя в столовой избе и сидели до десятого часа, но говорили с великим государем наедине". О чем шла такая продолжительная беседа, неизвестно, но если и о Никоне, что всего вероятнее, то это была лишь частная, домашняя беседа у царя с патриархами.

Первое заседание Собора для суда над Никоном состоялось 7 ноября, хотя, к сожалению, и об этом современная запись говорит чрезвычайно кратко. Заседание происходило в столовой избе у государя. Здесь присутствовали оба патриарха и прочие власти: митрополиты, архиепископы и епископы; присутствовали также сам царь и его бояре, окольные и думные люди. "И вел. государь говорил святейшим патриархам о отшествии с Москвы Никона патриарха, а власти подали (им) за своими руками сказки и выписку из правил". Дело, таким образом, началось с того, с чего и должно было начаться. Государь объявил патриархам главную вину Никона, а русские архиереи подали им в доказательство и разъяснение этой вины собственноручные сказки о ней, которые они составили и рассматривали еще на Соборе 1660 г., и вместе

выписку из правил, тогда же составленную, в руководство для суда над Никоном. Патриархам необходимо было предварительно ознакомиться, в чем виновен Никон, действительно ли виновен и чему должен подлежать по церковным правилам. Кроме сказок об отречении Никона от престола патриархам поданы были для келейного рассмотрения, как свидетельствует Паисий Лигарид, разные краткие записи λβέλλοι и о других проступках Никона и обширная записка в виде просьбы, в которой изложены были вместе многие обвинения на Никона. В помощь патриархам государь предложил в качестве толмачей митрополита Крутицкого Павла и архиепископа Рязанского Илариона, а патриархи просили еще прибавить и одноязычного с ними Паисия Газского - и государь отвечал: "Имейте его отныне при себе, от него узнаете все подробно". Паисий сохранил самую просьбу, которая подана была тогда патриархам и составлена, несомненно, им самим. Здесь он обвинял Никона и в том, в чем последний вовсе не был виноват или чего нельзя назвать виною, и говорил: а) Никон оскорбил всех Восточных патриархов: Александрийского - тем, что вздумал присвоить себе имя патриарха папы (?), которое издревле принадлежит на Востоке только патриарху Александрийскому; Иерусалимского - тем, что наименовал себя патриархом Нового Иерусалима, как по невежеству и бесстыдству назвал одну из своих обителей; Антиохийского - тем, что чрез подложное писание и подпись старался усвоить своей кафедре в ряду других патриарших кафедр третье место (?), принадлежащее кафедре Антиохийской; Константинопольского - тем, что захватил себе Киевскую митрополию из области Константинопольского патриарха и стал величаться патриархом всея Великия, и Малыя, и Белыя России, а кроме того, патриархов Александрийского и Антиохийского не признает законными патриархами потому, что они не живут в Антиохии и Александрии, как будто духовная власть привязана к месту; б) Никон переменил обычай прежних Московских патриархов: вместо синих скрижалей стал носить червленые, перестал поминать в Церкви Вселенского патриарха, переоблачался во время Божественного тайнодействия и, имея восемьдесят саккосов (?), за одной обедней переменял их до двадцати (?); чтобы казаться подобным Вышнему, назвал некоторых отроков, прислуживавших ему при богослужении, херувимами и серафимами; в алтаре чесался пред зеркалом и обратил алтарь в преторию, в которой снимал цепи с закованных им иеродиаконов; в) отменил песни Троичные, сложенные патриархом Митрофаном и обыкновенно воспеваемые каждое воскресенье, и запретил совершать торжественное освящение воды на самый праздник Крещения Господня; г) во второй раз был рукоположен в архиерейский сан, когда вступал на патриаршество, а двух архиереев, отставленных от должности, вновь рукоположил вопреки 68-му канону апостольскому; д) архиереев, им рукоположенных, не удостоивал именовать своими братьями, Собор их называл синагогою, уподоблял православных архиереев Анне и Каиафе, судиям-христоубийцам; е) приравнивал себя святым, нося на главе своей корону, или диадему, в которой обыкновенно изображаются они, как торжествующие на небеси, и величал себя великим государем, что вовсе не прилично духовному лицу; ж) был крайне любостяжате́лен и, замкнувшись, любил считать свои деньги и драгоценные сибирские меха; з) расточал доходы патриаршей

кафедры, желая именоваться создателем новых монастырей, и для этого же отнимал у соседей села и поля; и) предоставил весь свой церковный суд светским людям - своим боярам, обыкновенно продающим правосудие; и) ни с кем из архиереев и ни в чем не совещался; к) наконец, словно самоубийца, сам себя разоблачил во время своего отречения от кафедры. Если Паисий не постыдился взводить на Никона некоторые ложные обвинения даже на бумаге, то легко понять, что он мог наговорить про Никона в словесных беседах с патриархами, когда был приставлен к ним с целью ознакомить их во всех подробностях с делом Никона.

Второе заседание Собора происходило около 18 ноября в патриархии, в патриаршей крестовой палате. В этом заседании участвовали только патриархи, митрополиты, архиепископы, епископы и другие духовные лица, но не было ни государя, ни его синклита и при них царских дьяков, почему оно и не упоминается в современной записи, составленной дьяками, а довольно подробно описывается лишь у Паисия Лигарида, который и был на нем, судя по описанию, главным действующим лицом. Собрание обсуждало три следующие вопроса: а) дозвоительно ли созывать Соборы по нуждам времени; б) имел ли право царь Алексей Михайлович созвать Собор, на который пригласил и Восточных патриархов, и в) будет ли созванный теперь Собор Вселенским или только частным. Поместным? Дать ответ на эти вопросы еще до суда над Никоном собравшиеся архиереи сочли нужным, может быть, вследствие толков в обществе, исходивших от сторонников Никона или даже от самого Никона: известно, например, что он еще в 1660 г. отрицал право царя Алексея Михайловича созывать Собор. На все три вопроса решение заблаговременно было подготовлено Паисием Лигаридом и в заседании Собора было только прочитано. На первый вопрос Паисий отвечал утвердительно и, указав на Соборы, бывшие еще при святых апостолах, на правила апостольские и соборные, повелевающие созывать Соборы, на примеры Соборов Вселенских и Поместных, пришел к заключению, что и ныне можно и должно созывать Соборы по требованиям нужды. Утвердительно отвечал Паисий и на второй вопрос и довольно подробно раскрывал мысль, что цари греческие, как только сделались христианами и покровителями Церкви, сами созывали Соборы: Константин Великий созвал Собор Никейский - Вселенский, Феодосий Великий - Собор Константинопольский, Феодосий Младший - Ефесский, Маркиан - Халкидонский и пр. и что по примеру греческих православных царей и царь Алексей Михайлович, равный им во всем, имеет полное право на созвание Собора. Решение третьего вопроса состояло в том, что хотя Собор, созванный царем Алексеем Михайловичем, представлял собою подобие Вселенского Собора, так как на нем присутствуют два Вселенские патриарха и многие архиереи из всех патриархий, но собственно это не есть Собор Вселенский: на нем не предполагается рассматривать и определить какой-либо догмат веры, а предполагается только произнести суд над Никоном, вызванный его недостойными делами. Настоящий Собор похож на Собор, бывший некогда против Цареградского патриарха Фотия и называющийся в Церкви только Поместным, а не Вселенским. Когда таким решением вопроса все были удовлетворены, Паисий встал с своего места и сказал длинную и витиеватую

речь, в которой, приписывая особенное, таинственное значение числу семь (7 дней творения, 7 труб, от которых пал Иерихон, и пр.), старался доказать, что Вселенских Соборов должно быть только семь, никак не более, и что все прочие Соборы, каковы бы они ни были, не следует называть Вселенскими. После этого присутствовавшие в заседании разошлись. Но Паисий прибавляет, что кроме трех вопросов, решенных в заседании Собора, предложены были еще два вопроса "келейно", т. е., вероятно, уже в кельях патриархов по окончании заседания, и именно вопросы: а) почему Александрийский патриарх называется судьей вселенной и б) с какого времени Антиохийский патриарх начал именоваться пастырем пастырей и архиереем архиереев? Ответы и на оба эти вопроса, весьма подробные, с учеными ссылками, даны были тем же Паисием Лигаридом и, очевидно, направлены были против Никона, не хотевшего признать авторитет этих патриархов для суда над ним.

Прошло до двадцати дней со времени первого заседания Собора. Патриархи Паисий и Макарий имели возможность достаточно изучить дело, о котором судить были призваны. И вот 28 ноября последовало *третье* заседание Собора в столовой избе у государя, во многом похожее на первое и также описанное в современной записи. Прибыли в заседание, с одной стороны, патриархи, митрополиты, архиепископы, епископы, архимандриты, игумены, а с другой - сам царь, бояре, окольничие и думные люди. Государь опять заговорил о бывшем Московском патриархе Никоне, "и о самовольном его отшествии с патриаршего престола без повеления его царского величества и всего освященного Собора, и что соборная и апостольская Церковь стоит без пастыря девятый год", и потом просил патриархов, чтобы они "учинили о том по правилам св. апостол, и по преданию св. отцов седми Вселенских Соборов, и по своему рассмотрению". Патриархи после совещания с прочими членами Собора отвечали государю, что по правилам святых Соборов надобно позвать Никона патриарха на Собор и допросить, почему он оставил свою кафедру и самовольно отошел в Воскресенскую обитель, равно и о других его винах. И указали вместе со всем Собором послать к Никону Псковского архиепископа Арсения и с ним двух архимандритов - ярославского Спасского монастыря Сергия и суздальского Спасо-Евфимиева монастыря Павла. Тотчас же, как свидетельствует Паисий, составлена была на Соборе в присутствии самого государя грамота, которую должны были передать Никону посланные к нему и которая гласила: "Блаженнейшие патриархи кир Паисий, папа и патриарх великого града Александрии и судия вселенной, и кир Макарий, патриарх Божия града Антиохии и всего Востока, и весь святейший Собор архиереев приглашают тебя прибыть в царствующий град Москву без всякого замедления и лично предстать пред нами по некоторым духовным делам. Не будь непокорен приглашению и явись со смирением - так внушаем тебе поступить непременно". Этим и окончилось третье и последнее предварительное заседание Собора.

На следующий день, 29 ноября, в шестом часу дня, архиепископ Арсений и два архимандрита прибыли к патриарху Никону и, с его дозволения представившись ему, прочли пред ним соборную грамоту. Выслушав ее, Никон

отвечал: "Я имею поставление святительское и престол патриаршеский не от Александрийского и не от Антиохийского, но от Константинопольского патриарха (это неверно: Никон поставлен сперва в митрополита, потом в патриарха от своих русских святителей, а не от Константинопольского патриарха, и престол патриаршеский в России утвержден всеми четырьмя Восточными патриархами, а не одним Константинопольским); патриархи же Александрийский и Антиохийский и не живут сами в Александрии и Антиохии, а один живет в Египте, другой в Дамаске. Если они по согласию с Константинопольским и Иерусалимским патриархами пришли в Москву для духовных вещей, то и я, как соберусь, приду в царствующий град для духовных всяких вещей известия ради". Но когда соберется и придет, не сказал. Посланные к нему объявили, что им не велено возвращаться в Москву без него, патриарха Никона, но он только повторил: "Как соберусь, приду". О всем этом архиепископ и архимандриты поспешили отправить донесение к царю и Собору. Между тем в седьмом часу ночи того же числа они получили от правившего патриаршеством митрополита Павла Сарского грамоту, в которой было написано, чтобы, когда Никон поедет в Москву, возы его в дороге отнюдь не развязывались, из людей его никто наперед в Москву не был отпущен и сам он приехал в Москву не раньше как в третьем часу ночи или позднее.

Донесение, отправленное из Воскресенского монастыря к царю и Собору, могло достигнуть Москвы лишь ночью под 30-е число ноября. И едва только настало это число, царь в первом часу дня с своим синклитом пришел уже в свою столовую избу; туда же пришли и патриархи со всем освященным Собором. Тотчас же прочитано было донесение о Никоне от присланных к нему, и патриархи сказали: приходится послать к нему по правилам соборным второе и третье приглашение. И указали для второго приглашения послать к Никону владимирского рождественского архимандрита Филарета да чудовского соборного старца священника Лаврентия, а для третьего приглашения - новоспасского архимандрита Иосифа да спасского протопопа из дворца Онисима. Сделав такое распоряжение, патриархи со всем Собором в том же заседании 30 ноября приступили к самому суду над Никоном, хотя пока заочному, так что заседание это, *четвертое* по порядку, после трех предварительных, было первым в ряду собственно судебных заседаний. Никон своим ответом на первое приглашение к нему от Собора дал почувствовать патриархам Александрийскому и Антиохийскому, что не признает их власти над собою и готов признать только в таком случае, если они пришли в Москву по согласию с патриархами Константинопольским и Иерусалимским. И вот патриархи Паисий и Макарий прежде всего хотели показать Никону и всем, что они пришли судить его действительно по согласию с патриархами Цареградским и Иерусалимским и что суд над Никоном будет судом не двух только, а всех четырех Восточных патриархов с освященным Собором. В заседание Собора принесен был свиток, присланный еще в 1664 г. царю Алексею Михайловичу патриархами: Дионисием Цареградским, Паисием Александрийским, Макарием Антиохийским и Нектарием Иерусалимским, - свиток, в котором подробно рассмотрены были все вины патриарха Никона, хотя имя его и не упоминалось, и на все изложены в форме вопросов и ответов

решения четырех патриархов и многих других восточных архиереев и духовных сановников за их собственноручными подписями. В заключение свитка помещено было следующее определение: "Архиерей, который окажется виновным по изложенным вопросам и ответам, да извержется от архиерейского достоинства и власти". Этот свиток велено было читать в заседании Собора во всеуслышание. И пока происходило чтение, государь сидел на своем царском месте, патриархи сидели подле царского места с левой стороны в креслах, митрополиты, архиепископы и епископы сидели с правой стороны от царского места на скамьях, а бояре, окольные и думные люди сидели с левой стороны от того же места на скамьях. Когда чтение свитка кончилось, патриархи Паисий и Макарий, подписи которых также находились под свитком, объявили царю, и всему освященному Собору, и всему царскому синклиту, что этот свиток несомненно подлинный и прислан к его царскому величеству четырьмя патриархами с иеродиаконем Мелетием греком за их руками. И вслед за тем спросили: "Виновен ли по сему свитку патриарх Никон, отошедший с своего патриаршего престола своею волею, без всякой церковной вины, и без повеления царского величества, и без совета всего освященного Собора?" И митрополиты, архиепископы, епископы и весь освященный Собор, и царского величества бояре, окольные и думные люди отвечали, что "по тому их патриаршескому свитку за их руками бывший патриарх Никон повинен во всем и от патриаршества имеет быть отлучен". А русские архиереи сказали еще патриархам, что когда они, архиереи, созваны были в 1660 г. по указу государя в Москву на Собор, чтобы рассудить об отшествии и отречении патриарха Никона от престола, то выписывали из правил святых апостолов и Соборов и принимали в соображение те самые правила, какие приведены и приняты за основание решений в этом патриаршеском свитке. Под конец заседания царь поднес патриархам челобитную, полученную им от Никона. Челобитная касалась рыбных ловлей на море в Кольском остроге, который некогда царь пожаловал по просьбе Никона его монастырям Крестному и Воскресенскому, а потом дозволил отдать во владение иноземцам на урочное число лет, по записям приказных людей самого же Никона, данным с его разрешения. В этой челобитной "написаны были Никоном на него, великого государя, многие клятвы и укоризны, чего и помыслить страшно". Патриархи взяли челобитную к себе, и собрание разошлось.

Что же делал в то время Никон и как переданы были ему два последние приглашения от лица Собора? Никон еще 29 ноября, после известного ответа его на первое приглашение, начал собираться в Москву, отслушал вечерню, прочитал правило келейное и к службе и дал приказ взять для него в Москву только три книги: Кормчую, следованную Псалтирь и книгу "Возражений" его на вопросы Стрешнева и ответы Паисия Лигарида, да еще крест для ношения пред ним как патриархом. На следующий день, после заутрени, призвал к себе своего духовника, исповедался пред ним и вместе со всею братиею совершил освящение еля, которым и помазал себя и всю братию; потом сам совершил литургию, которую велел петь всю по-гречески киевским напевом, и сказал поучение к братии. Когда день стал клониться к вечеру, Никон приказал запрячь для себя приготовленные сани и, простившись с братиею, отправился в путь.

Впереди Никона ехал полковник Остафьев с стрельцами, а позади архиепископ Арсений с двумя архимандритами. Все они приближались уже к селу Черневу, как их встретил верст за шесть до того села владимиристо-рождественский архимандрит Филарет в четвертом часу ночи и, остановив поезд, сказал Никону: ты своим отказом на первое приглашение прибыть в Москву "учинил непослушание великому государю и обесчестил святейших патриархов и весь Собор", теперь они прислали к тебе второе приглашение, чтобы ты ехал в Москву, и ехал смиренным образом, имея при себе не более десяти человек, и чтобы приехал в нее 2 декабря во втором или третьем часу ночи и остановился на Архангельском подворье в Кремле у Никольских ворот. Никон с своими спутниками двинулся далее и когда въехал уже в село Чернево в пятом часу ночи, то опять был остановлен на дороге новоспасским архимандритом Иосифом, который возвестил ему от имени царя и Собора третье приглашение прибыть в Москву и приказание приехать в нее 3 декабря смиренным образом в три или четыре часа ночи. Продолжали путь и достигли села Тушина. Отсюда полковник Остафьев, недоумевая, как поступить, отправил гонца в Москву спросить, дожидаться ли в Тушине третьего декабря или теперь же ехать в Москву. Пришел царский указ ехать немедленно, и в двенадцать часов ночи под 1 декабря Никон прибыл в Москву. При въезде его с спутниками в Кремль к Архангельскому подворью вдруг Никольские ворота пред ними затворились, и полковник, подошедши к знакомому нам подьяку Ивану Шушерину, который ехал впереди Никона с крестом на лошади верхом, сказал: "Сойди с коня и отдай крест, до тебя есть государево дело". И Шушерина, отдавшего крест Никону в руки, взяли два стрельца и повлекли прямо к государю. Государь лично допрашивал его - он-то, как узнали, и был главным агентом Никона во всех сношениях его с Москвою и передавал ему оттуда про государя всякие вести. Государь обещал Шушерину свободу, если скажет правду, но он на все вопросы отвечал только: "Ничего не знаю". Почему и отослан был в Приказ тайных дел и просидел под крепкою стражею в Москве более трех лет, а потом сослан в Новгород в ссылку, в которой и находился десять лет. Между тем Никон со всею его свитою пропущен был в Кремль и остановился на Архангельском подворье, где до того времени проживал Сербский митрополит Феодосий. А свиты с Никоном, монахов и мирян, было до тридцати человек и более. Тотчас вокруг всего подворья поставлена была стража, Никольские ворота в Кремль крепко заключены, и большой мост пред этими воротами совсем разобран.

На следующий же день после прибытия Никона в Москву, 1 декабря, в субботу, состоялось по его делу *пятое* заседание Собора, второе собственно судебное, довольно подробно описанное в современной записи. В третьем часу дня государь пошел в свою столовую избу, за ним следовали бояре, окольные, думные дворяне и думные дьяки, а пред ним несли в раковинном, под серебряным атласом ящике оба экземпляра того свитка, что прислали ему в Москву четыре Восточные патриарха за своими подписями с черным дьяконом Мелетием греком, также переводы с этого свитка в красном бархатном переплете, да еще письма Никона патриарха под тафтою. Все это государь, вошедши в столовую избу, приказал поставить и положить на столе пред

креслами патриархов. Вскоре за государем вошли в ту же столовую избу патриархи с митрополитами, архиепископами, епископами, греческими и русскими, и со всем освященным Собором, проговорили "Достойно есть" и после отпуста благословили всех на все четыре стороны. Затем царь сел на своем высоком государевом месте, которое украшено было золотом и серебром. Сели и патриархи слева от царя, на двух обитых бархатом и вишневым сукном креслах, пред которыми поставлен был стол, покрытый персидским ковром и золотою камкою. Митрополитам же и прочим духовным лицам государь указал сесть на скамьях по правой стороне, а боярам и всем светским лицам - на скамьях по левой стороне. Государь сказал патриархам: "Никон патриарх в Москву приехал и на меня суд Божий призывает за то, что велено было ему приехать в Москву не со многими людьми. А когда Никон в Москву въехал, то у него по моему указу взят был малый (подьяк Иван Шушерин) за то, что в девятилетнее время носил к нему, Никону, всякие вести и чинил многую ссору, и Никон за того малого меня поносит и бесчестит, и говорит: царь меня мучит, велел отнять малого из-под креста. И если Никон, будучи на Соборе, начнет о том говорить, то они, патриархи, о том бы ведали. Да и про то б ведали, что Никон пред поездом своим в Москву в Воскресенском монастыре исповедался и причащался и маслом освящался". Патриархи, услышав о таком поступке Никона, очень подивились. И государь продолжал: "Никон патриарх говорит, будто Псковский архиепископ из Воскресенского монастыря ложно писал, что он, Никон, отговаривался идти на Собор и бесчестил их, патриархов, - он будто того не говорил". Окончив эти предварительные сообщения патриархам, государь спросил: кого послать к Никону патриарху звать его на Собор? Патриархи отвечали: нужно послать архиерея да двух архимандритов к бывшему патриарху Никону, чтобы он шел на Собор для ответа. И послали епископа Мстиславского Мефодия с двумя архимандритами. Никон, как только услышал приглашение от этих лиц, отвечал, что он готов, и, встав с места, велел нести пред собою крест. Приглашавшие Никона сказали, что ему не следует так идти на Собор. Никон стоял на своем и объявил, что иначе не пойдет. Они послали скороходца спросить об этом царя и Собор, и пришло повеление - идти Никону без креста. Но Никон упорствовал, начал спорить и во время спора вышел мало-помалу в переднюю, потом на крыльцо в преднесении креста. Скороход снова отправлен был к царю и Собору с вестию об упорстве Никона, и Собор разрешил: пусть уже идет и со крестом... Никон сел в свои сани и поехал - пред ним несли крест, но с большим трудом мог двигаться вперед за множеством народа, наполнившего Кремль. Проезжая мимо Успенского собора, где совершалась литургия, Никон хотел войти в церковь чрез южные двери, но двери пред ним тотчас затворили. Хотел также зайти в Благовещенский собор, где шла служба, и там двери пред ним затворили. Между тем в заседании Собора, куда направился Никон, условились, чтобы при входе его никому не вставать с места и всем сидеть. Но Никон, когда отворили пред ним двери, велел впереди его нести крест. И царь, как только увидел крест, поднялся, а за ним поднялись все. Никон вошел с посохом в руках, проговорил вход и молитву за здоровье государя с его семейством, за патриархов и за всех православных христиан и, отдав посох своему анагносту, поклонился государю до земли

трижды, патриархам до земли дважды, а всем другим сделал обычный поклон направо и налево, потом опять взял свой посох в руки. Патриархи сказали Никону, чтобы он сел на правой стороне близ государева места. Но Никон, увидев, что ему там не приготовлено особого седалища, а предлагают сесть на скамье с прочими архиереями, отвечал: "Я места себе, где сесть, с собою не принес - разве сесть мне тут, где стою, - и присовокупил: - А я пришел узнать, для чего вы, Вселенские патриархи, меня звали?"

Тогда царь сошел с своего возвышенного места, стал у конца стола пред патриархами и начал говорить, обливаясь слезами: "От начала Московского государства не бывало такого бесчестия соборной и апостольской Церкви, какое учинил бывший патриарх Никон. Он по своим прихотям, самовольно, без нашего царского повеленья и без соборного совета оставил ту соборную нашу Церковь и отрекся патриаршества, никем не гонимый. И от того его отшествия многие смуты и мятежи учинились, и соборная апостольская Церковь вдовствует без пастыря тому ныне девятый год. Допросите его, бывшего патриарха Никона, для чего он патриаршеский престол оставил и сошел в Воскресенский монастырь". И патриархи при виде царя плачущего, с трудом удерживавшиеся от слез, предложили Никону этот вопрос чрез толмача, архимандрита Дионисия святогорца. Но Никон вместо ответа сам спросил патриархов: "Да есть ли у вас совет и согласие с патриархами Константинопольским Вселенским и Иерусалимским, чтобы меня судить? Без их совета с вами я отвечать вам не буду, потому что я рукоположен на патриаршеский престол от Константинопольского патриарха. А если у вас совет и согласие патриархов Константинопольского и Иерусалимского есть, чтобы меня судить, я пред вами готов давать ответ". Патриархи Паисий и Макарий сказали, что у них совет, и согласие, и подписи рук патриархов Константинопольского и Иерусалимского есть с ними, и указали на лежавший на столе в двух списках известный свиток четырех патриархов, подписанный всеми ими и другими архиереями. Никон понял, что ему остается покориться и подвергнуться суду, и только бил челом государю и патриархам, чтобы выслали из Собора недругов его, Питирима, митрополита Новгородского, да Павла, митрополита Сарского, потому что они будто бы хотели отравить его и удавить. Митрополиты Питирим и Павел сказали: "Бывший патриарх Никон на нас говорит ложь; у нас про то и в помышлении не бывало, да и у великого государя есть тому всему дело черного дьякона Феодосия". И государь сыскное дело про дьякона Феодосия поднес патриархам. Никон потерпел новую неудачу: не мог он отклонить от себя суда патриархов, не мог и устранить от участия в суде над ним своих недругов. После этого начался суд.

Патриархи снова спросили Никона: "Почему он оставил соборную Церковь и паству свою и отрекся патриаршества?" Никон рассказал, что он в день бывшего стола у государя для грузинского царевича Теймураза посылал своего домового человека, князя Димитрия Мещерского, на Красное крыльцо для строения церковных дел, и того человека царский окольничий Богдан Хитрово сильно зашиб, что он, Никон, просил государя дать оборону на Богдана Матвеевича, и государь обороны не дал и потом не пришел на службы

патриарха, ко всенощной и к литургии, ни в праздник Казанской Божией Матери, ни в праздник Ризы Господней, а прислал только князя Юрия Ромодановского сказать ему, Никону: "Государь на тебя гневен: зачем пишешься великим государем? Вперед так не пишись", хотя прежде сам велел ему, Никону, так писаться. Слыша про тот на себя гнев государев, он, Никон, и оставил соборную Церковь, сошел с престола и жил три дня на Воскресенском подворье, ожидая к себе присылки от государя. Но государь никого не присылал звать его опять на патриаршество, и он поехал из Москвы в Воскресенский монастырь. Когда Никон окончил свою речь, царь снова сошел с своего места и стал посредине перед столом, чтобы отвечать на эту речь. Но, заметив, как свидетельствует Паисий Лигарид, что и патриархи поднялись и стоят, сказал им: "Мне следует теперь стоять, так как меня обвиняет отец мой Никон, а вы сидите как судьи и преемники апостолов и слушайте обвинения на меня и мои оправдания". И действительно, с этого времени до самого конца весьма продолжительного заседания государь оставался на ногах. Он отвечал на речь Никона по пунктам: "Никон говорит, будто посылал своего домового человека на Красное крыльцо для строения церковных дел, но в ту пору на Красном крыльце церковных вещей строить было нечего. И окольный Богдан Хитрово зашиб того человека за его невежество, что он пришел не вовремя и учинил смятение, и то-де бесчестье к самому Никону патриарху не относится... Писал ко мне Никон патриарх и просил обороны на окольного Богдана Матвеевича Хитрово, но писал в то время, как у меня был у стола грузинский царь, а в ту пору сыскивать и оборону давать было некогда... В праздники Казанской Богородицы и Ризы Господней ко всенощному и к литургии выходу у меня не было за многими государственными делами. И патриарх Никон, осердясь на то, престол свой оставил и патриаршества отрекся. Посылал я к нему стольника князя Юрия Ромодановского, чтоб он, Никон, впредь великим государем не писался, потому что прежние патриархи так не писывались, а то к нему не приказывал, что я на него гневен". Тут князь Юрий Иванович Ромодановский молвил, что он бывшему патриарху Никону о государевом гневе не говаривал. Государь продолжал: "Великим государем писаться ему, Никону, я не приказывал, а только сам, почитая его, писал так в своих грамотах; да и Никон по отшествии с патриаршества в письме ко мне писал своею рукою: теперь ты один будешь великий государь, а я, Никон, яко един от простых епископов, - и то письмо ему отдано было назад". *Никон*: "Я так не писывал". Государь снова продолжал: "Посылал я к нему боярина князя Алексея Никитича Трубецкого да окольного Родиона Матвеевича Стрешнева, чтобы он, Никон, на свой патриаршеский престол возвратился, и он им в том отказал". При этом окольный заявил, что он к Никону патриарху с князем Алексеем Никитичем был послан и о возвращении его на патриаршество говорил ему. И он, патриарх Никон, патриаршества отрекался, что впредь патриархом быть не хочет, и сказывал: "Как-де на патриаршество избирали, он на себя клятву положил, что ему на патриаршестве быть только три года, а больше того не быть".

Выслушав все эти объяснения Никона, царя и бояр, патриархи предложили новый вопрос, обращаясь к митрополитам, архиепископам и

епископам: "Какие обиды были Никону патриарху от великого государя?" И митрополиты, архиепископы и епископы отвечали, что от великого государя бывшему патриарху Никону никаких обид не бывало. И только рассказали митрополиты Питирим Новгородский и Павел Сарский, как окольничий Хитрово бил домового человека Никонова и Никон просил государя дать оборону, а государь обороны не дал, и как потом государь в два праздника не приходил в церковь на службу Никона. Патриархи предложили тот же вопрос самому Никону, и Никон сказал, что никаких обид ему от великого государя не бывало, а как-де государь начал гневаться и к церкви ходить перестал, он потому и оставил патриаршество. И присовокупил: "Я об обиде не говорю, а говорю о государево гневе. И прежние патриархи от гнева царева бегали, каковы Афанасий Александрийский и Григорий Богослов". Патриархи: "Иные патриархи оставляли на время престол, да не так, как ты; ты отрекся, чтоб и впредь не быть тебе патриархом, а если будешь патриархом, анафема будешь". Никон: "Я так не говорил, а говорил, что за недостойнство свое иду, а если бы я отрекся патриаршества с клятвою, то не взял бы с собою и святительской одежды". (Здесь нельзя не заметить, что сам же Никон не раз объяснял прежде, что он отрекся только патриаршества в Москве, не хочет быть Московским патриархом, но не отрекался от сана патриаршеского, не перестает быть патриархом, а теперь, когда его спрашивали, зачем он отрекся патриаршества, разумеется, Московского, он отвечает, что сана патриаршеского он не отрекался, не перестал быть патриархом, иначе не взял бы с собою святительской одежды.) *Патриархи*: "Когда ставят в священный чин, то говорят "αξιος (достоин)", а ты, как снимал с себя святительскую одежду, говорил, что не достоин". *Никон*: "То-де на меня затеяли".

Вопрос об отречении Никона от кафедры еще не был исчерпан, и патриархи еще не сказали по этому вопросу своего последнего слова, как государь, естественно находившийся в возбужденном состоянии, обратил внимание патриархов на другой предмет, при обсуждении которого, впрочем, пришлось заняться вновь и этим вопросом. Государь указал на письма Никона к четверем Восточным патриархам, лежавшие тут же на столе под тафтою, и сказал патриархам Паисию и Макарию: "Бывший патриарх Никон писал к вам, патриархам, в грамотах своих многие на меня бесчестья и укоризны, а я на него к патриархам никакого бесчестья и укоризны не писал. Допросите его, все ли он истину без всякого прилога в грамотах своих писал, и за церковные ли догматы он стоял, и Иосифа патриарха святейшим и братом себе считает ли, и церковные, движимые и недвижимые, вещи продавал ли?.." Патриархи предложили Никону эти вопросы, и он отвечал, "что в грамотах писано, то и писано, а стоял-де он за церковные догматы и Иосифа патриарха почитает за патриарха, а свят ли он, того не ведаю; церковные же вещи продавал по государеву указу". Такой общий ответ никого не мог удовлетворить, и государь приказал читать на Соборе по статьям грамоту Никона к Цареградскому патриарху Дионисию в переводе, чтобы рассмотреть порознь все изложенные в ней неправды Никона.

В грамоте Никон писал, что, будучи еще митрополитом, он послан был в Соловецкий монастырь "мощей ради св. священномученика Филиппа, митрополита Московского, егоже мучи царь Иван несправедно". *Государь*: "Для чего он, Никон, такое бесчестие и укоризну великому государю блаженной памяти Ивану Васильевичу всея Руси написал? А о себе утаил, как он низверг без Собору Павла, епископа Коломенского, и ободрал с него святительские одежды, и сослал в Хутынский монастырь, и там его не стало безвестно. Допросите, по каким правилам он то учинил?" Никон на вопрос патриархов о царе Иване Васильевиче ответа не дал, а про Павла епископа сказал: "По каким правилам низверг и сослал, того не помню, и где он пропал, того не ведаю, а есть о том дело на патриаршем дворе". Блюститель патриаршего престола митрополит Сарский Павел заявил: "Дела о том на патриаршем дворе нет и не бывало, и отлучен тот епископ Павел без Собору".

В грамоте Никон писал, что, когда его умоляли в соборной церкви принять патриаршество, он говорил царю, и властям, и боярам, чтобы они дали ему слово свято содержать догматы и правила святых апостол и отец и законы греческих благочестивых царей, и в том ему обещались. *Государь*: "Никон в то время говорил только про одни догматы, а о правилах и о законах не говаривал и в грамоте своей написал ложно". *Никон*: "Говорил о всем том в то и в иное время".

В грамоте было написано про государя, что он сначала был благоговееен и милостив, а потом начал гордиться и выситься и в архиерейские дела вступаться. *Государь* патриархам: "Допросите про то Никона, и в какие архиерейские дела начал вступаться". Никон на вопрос патриархов: "Что писал, того не помню".

В грамоте было написано, что Никон оставил патриаршество ради царского гнева. *Государь* патриархам: "Допросите Никона, какая ему была от меня немилость или обида; кому заявлял он о моем гневе, сходя с престола; присылал ли я к нему, чтобы он с престола пошел, и отрекался ли он от патриаршества в соборной церкви". Никон на вопрос патриархов: "Немилость ко мне государя была та, что он на окольного Богдана Матвеевича не дал обороны и к церкви не стал ходить; присылки ко мне от государя, чтобы я сошел с престола, не бывало, а сошел я сам собою; государев гнев на меня я объявлял небу и земле; патриаршества я не отрекался и как пошел с престола, то, кроме саккоса и митры, ничего с собою не взял". Тут патриархи сделали Никону весьма дельное замечание: "Хотя б Богдан Матвеевич человека твоего и зашиб, тебе бы можно стерпеть и последовать Иоанну Милостивому, как он от раба терпел, а если бы государев гнев на тебя и был, тебе бы следовало советоваться о том с архиереями и к великому государю посылать и бить челом о прощении, а не сердитовать". К этому окольный Богдан Матвеевич присовокупил, что хотя он, исполняя чин у царского стола, и зашиб присланного Никоном человека, не знаючи, но в том у бывшего патриарха Никона прощения просил, и Никон его простил. Тогда патриархи обратились ко всему освященному Собору и ко всему царскому синклиту с вопросом: какая

была Никону патриарху обида от государя? И от всех послышался ответ, что обиды Никону от государя не бывало никакой, а пошел он с престола не от обиды, а с сердца. Члены ж Собора говорили еще: "Снимая с себя панагию и свящ. ризы, Никон говорил: если даже помыслю в патриархи, анафема да буду, панагию и посох оставил и взял клюку, а про государев гнев ничего никому не объявлял; как поехал с подворья в Воскресенский монастырь, за ним повезли его люди многие сундуки с рухлядью, да к нему же отослано из патриаршей казны денег две тысячи рублей". *Патриархи*. "Прежние архиереи так не отрекались, как Никон; он не только патриаршества отрекся, но и архиерейства; снимая с себя митру и омофор, говорил: не достоин". *Никон*: "В отречении на меня лжесвидетельствуют; если бы я вовсе отрекся, то не взял бы с собою архиерейские одежды".

В грамоте Никон отзывался о Монастырском приказе и о книге Уложения с великим бесчестием и укоризною и написал, что его за его покушения истребить ее много раз хотели убить. Государь к Никону: "К той книге руки приложили святейший Иосиф, патриарх Московский и всея Руси, и митрополиты, и архиепископы, и епископы, и весь освященный Собор, и твоя рука к той книге приложена, когда ты был архимандритом. И для чего ты при себе, как был на патриаршестве, той книги не исправил и не учинил того, чтоб в Монастырском приказе быть и судить духовный чин - митрополиту или архиепископу и архимандритам? И кто тебя за ту книгу хотел убить?" Никон отвечал, что к той книге руку приложил неволею, а об устройении архиерея в Монастырский приказ и кто его хотел убить, ничего не сказал.

Когда в грамоте прочли о посылке на Афонскую гору и в Иерусалим за книгами и о привезенных оттуда книгах, государь спросил: "Где ныне те книги, на Печатном ли они патриаршем дворе?" *Никон*: "Все те книги остались на патриаршем дворе, я с собою ничего не взял" (это, как мы видели, не совсем верно).

В грамоте Никон писал, что к нему присылан был Газский митрополит Паисий да боярин князь Никита Иванович Одоевский с товарищами будто над ним суд творить и будто Газский митрополит хиротонисован дьяконом и попом от папы, и верует по-римски, и живет бесчинно, и на Соборах бывает председателем, и называет себя заместником от всех четырех патриархов. *Государь*: "Газский митрополит и князь Одоевский были посланы выговаривать ему неправды его, что он писал ко мне с великим бесчестием, и укоризною, и с клятвою, и на молебне клал мои государевы грамоты под Евангелие, а не для суда. Газский митрополит на Москве у престола Господня принес клятву, что он живет истинно, и отец духовный. Архангельский митрополит (т. е. Феодосий Сербский) в том его свидетельствовал. Ставленная грамота у него есть, а про отлучение его от Иерусалимского патриарха грамоты не бывало. На Соборах председателем он, Паисий, не бывал, и заместником патриархов не назывался, и служит до рассуждения о нем Вселенских патриархов". Никон отвечал: "Я за обидящего молился, а не клял, а грамоты государевы под Евангелием были", но для чего были и кто обидящий, про то не

сказал. И продолжал: "Газскому митрополиту по правилам служить не следует, потому что он епархию свою оставил и живет в Москве долгое время. Да слышал я от дьякона Агафангела, что Газский митрополит Иерусалимским патриархом отлучен и проклят. Много у меня таких мужиков". Затем прибавил: "Мне говорил боярин князь Никита Иванович государевым словом, что Иван Сатин хочет меня зарезать". "Таких речей, - сказал князь Одоевский, - я Никону патриарху не говорил, а сам он мне говорил: "Если хотите меня зарезать, то велите зарезать" - и обнажил свою грудь". Патриарх Макарий засвидетельствовал: "Газский митрополит Паисий в дьяконы и в попы ставлен в Иерусалиме, а не в Риме - про то я подлинно ведаю".

Когда в грамоте прочитано было о приходе Никона в Москву по случаю ожидавшегося нашествия татар, государь сказал: "Для чего Никон утаил и не написал, как он видел в то время мои царские очи и как при думном дьяке Алмазе Иванове говорил, что отрекся от своего престола?" А думный дьяк Алмаз Иванов заявил: "Никон действительно сказал тогда при мне на Воскресенском подворье, что он только имени своего не отрекся, а престола отрекся". Никон про то, что видел тогда государевы очи, ничего не сказал, а в отречении от престола запирался.

Когда прочитано было в грамоте, что царь посылает к патриархам грамоты и многие дары, а присланных от них людей сажает в заключения, государь говорил: "Я посылал к патриархам грамоты с просьбою, чтобы пришли и умирили Церковь, а даров к ним не посылал и присланных от них никого за караулом не держал, кроме Севастияна Дмитриева, потому что он привез от Иерусалимского патриарха грамоту, в которой многое было писано к ссоре, да и он не за караулом был держан, а жил в хоромах набережных, и корму и питья ему давали довольно. А он, Никон, посылал к патриархам с грамотами племянника своего и дал черкашенину многие золотые, чтоб провез того племянника с собою и отпустил к Цареградскому патриарху". *Никон*: "Я черкашенину никаких золотых не давал, а дал племяннику своему на дорогу, и тот племянник на дороге пойман".

Когда в грамоте прочитано было, как Никон приходил в Москву по письмам Никиты Зюзина и что Зюзин за то был сослан, а жена его умерла, государь сказал: "Никита Зюзин достоин был за свое дело смертной казни, потому что он призывал Никона в Москву без моего повеления и учинил многую смуту, а жена Никитина умерла от Никона, потому что он выдал письма Никиты, которого имел за друга, мне, государю". *Никон*: "Те письма я прислал государю, оправдывая себя". И царь поднес патриархам все дело о приходе Никона в Москву по письмам Зюзина, и патриархи то дело приняли. В грамоте было написано, что многие за Никона, кто только говорил о нем доброе слово, посланы были в заточение и мукам преданы: иподьякон Никита будто умер в железах, поп Сысой будто погублен, строитель Аарон будто сослан в Соловецкий монастырь, и пр. *Государь*: "Иподьякон Никита ездил от Никона к Никите Зюзину с ссорными письмами, и за то сидел под караулом, и умер собою от болезни; Сысой поп, ведомый вор и ссорщик, и за многие его плутовства

сослан; Аарон строитель говорил про меня, государя, непристойные слова и за то сослан, да и другие, которые были обличены в каких-либо ссорных делах, находились в ссылках и за караулом. А что Никон в грамоте написал, будто за него многие люди мучены были, то пусть скажет именно, кто был мучен?" Никон отвечал: "Про то мне сказывали", а кто сказывал именно, не объявил. Государь: "Надобно было ссорным речам не верить и ко Вселенским патриархам можно не писать".

В грамоте было написано, что повелел государь быть Собору, и благословением Газского митрополита Паисия переместили Питирима, митрополита Сарского, в Новгород вопреки правилу, запрещающему перемещать архиереев, и на место Питирима поставили Павла, архимандрита чудовского, и других архиереев в иные епархии. Государь: "Когда Никон был на патриаршестве, в то время перевел он из Твери архиепископа Лаврентия в Казань митрополитом, да и иных многих от места к месту переводил". *Никон*: "Я то делал не по правилам, в неведении". Питирим Никону: "Ты и сам в Новгородскую митрополию возведен на место живого митрополита Аффония". Никон Питириму: "Тот Аффоний митрополит был без ума, чтоб и тебе также быть без ума".

Вслед за тем в грамоте было написано: "От сего беззаконнаго Собора преста на Руси соединение с св. Восточною Церковию, и от благословения вашего отлучишася, но от Римских Костелов начаток прияша волями своими. А откеле же прияла Русь св. Крещение от св. Восточной Церкви, не бы у нас ни единого соединения с Западным Костелом... и Исидора митрополита изгнаша, яко еретика". По прочтении этого царь говорил патриархам: "Никон написал такие великие укоризны и неправды ложно, забыв страх Божий, и тем св. апостольскую Церковь и православную веру в России опорочил, и меня, государя, и весь освященный Собор, и весь царский синклит, и всех православных христиан русских от благочестивой веры и от благословения Восточных патриархов отчел, и к Римскому Костелу и вере причел, и назвал всех еретиками. Если бы только то письмо Никона дошло до Вселенских патриархов, быть бы всем нам, православным христианам, под клятвою. И за то его ложное и затейливое письмо надобно всем стоять и умирать и от того очиститься". И все митрополиты, архиепископы и епископы, и освященный Собор, все бояре, окольные и думные люди били челом патриархам, чтоб допросили Никона, почему он так написал и их еретиками назвал. Патриархи спросили Никона: "Чем они отлучились от соборной Церкви?" *Никон*: "Тем, что Газский митрополит Паисий перевел Питирима из одной митрополии в другую и на его место поставил другого митрополита, да и иных архиереев от места к месту переводил, а ему то делать не подобало, потому что от Иерусалимского патриарха он отлучен и проклят. Да хотя бы он и не еретик был, ему на Москве долго быть не для чего; я его за митрополита не ставлю, у него и ставленной грамоты на свидетельство нет, и мужик наложит на себя мантию и будет такой же митрополит. Я то про него писал, а не о православных христианах". Но царь, и весь Собор, и синклит Никона в том уличали и повторяли пред патриархами: "Он всех нас в грамоте назвал еретиками, а не одного митрополита Газского,

учините в том указ по правилам св. апостол и св. отец". Тогда Никон, обратившись к государю, сказал: "Только б ты Бога боялся, ты бы так со мною не делал".

В грамоте было написано, что на все церковные степени ставят по повелению государя и в ставленных грамотах пишут, что тот или другой хиротонисован по повелению государя, и в архиереи избирают, и ставят, и отлучают - все по повелению же государя. *Государь*: "На священные степени ставят и ставленные грамоты дают ставленникам так же и ныне, как бывало прежде; в архиереи избирают и поставляют и, кого придется, отлучают власти Собором, а не по моему указу, и то Никон про меня написал неправду".

В грамоте было написано, что государь из патриаршей казны берет на свои проторы и из архиерейских и монастырских имений по его указу берут на службу людей, и деньги, и хлеб немилостиво. *Государь*: "Что взято из патриаршей казны, то было взято взаймы, а не даром, и о тех деньгах записано в книгах Патриаршего приказа; многое уже заплачено, а остальное будет заплачено впоследствии. А со властей и с монастырей брались даточные люди, и деньги, и хлеб, как бирались и в прежние времена для государевой службы. Он же, Никон, на строение нового Воскресенского монастыря брал из домового патриаршей казны многие деньги, которые собраны были со властей и с монастырей вместо даточных людей, да он же брал со властей и монастырей многие подводы самовольством". Никон во всем том заперся, будто он тех денег и подвод не брал. Но митрополиты, архиепископы и епископы его уличали и говорили, что он и деньги, собиравшиеся с них за даточных людей, употреблял на строение Воскресенского монастыря, и брал от них подводы, и посылал в тот же монастырь самовольно, без государева указа.

Когда прочитано было, что боярин Семен Лукьянович Стрешнев научил собачку сидеть и передними ногами благословлять, назвав ее Никоном, и что хотя за такое бесчиние Никон проклял Стрешнева, но царское величество ни во что вменил ту клятву, государь сказал: "Никон о том мне не писывал, а Семен Лукьянович поклялся предо мною, что того вовсе не бывало". Затем все архиереи говорили, что Никон проклял боярина напрасно и без Собору. Боярин же Петр Михайлович Салтыков прибавил, что Никон Семена Лукьяновича Стрешнева от клятвы разрешил и грамоту ему прощальную прислал.

В грамоте было написано о Мефодии, епископе Мстиславском, что его послали из Москвы митрополитом на Киевскую митрополию, которая изначала была под благословением Константинопольского патриарха. *Государь*: "Епископ Мефодий послан в Киев не митрополитом, но блюстителем нужды ради: Киевский митрополит, оставя свою кафедру, ушел в Польшу из Киева, а тамошняя страна без пастыря быть не может: городов и людей в ней много, от Москвы она далеко. И о том поставлении Мефодия я писал к Константинопольскому патриарху. Сам же Никон, как был на патриаршестве, поставил в Полоцк епископа, хотя Полоцкая епархия также исстари под благословением Цареградского патриарха". *Никон*: "В Полоцк и

прежде, при царе Федоре Ивановиче, ставили епископов Московские патриархи".

В грамоте было написано о Питириме митрополите, что он стоял на патриаршеском месте и сидел на патриаршем седалище, чего и приходившие к нам Восточные патриархи не дельвали. Питирим отвечал: "По отшествии Никона патриарха я стоял и сидел в соборной церкви во время служб там, где мне подобало стоять и сидеть, но на патриаршем месте не стаивал и не сиживал, а в неделю ваий я действовал по указу государя, а не собою". *Никон*: "Тебе не следовало так действовать, то действо патриаршеское". *Государь*: "Когда Никон был в Новгороде митрополитом, он и сам так действовал, и, когда был на патриаршестве, при нем так действовали в Новгороде, и в Казани, и в Ростове". *Никон*: "То-де я делал по неведению".

В конце грамоты было написано: "Писася в строении нашем, в Новом Иерусалиме Воскресенского монастыря". Тут патриархи спросили Никона: "Зачем он так написал?" Никон сначала сказал, что то переведено неверно, а потом присовокупил, что хотя у него и написано "в Новом Иерусалиме", только намерение его к горнему Иерусалиму, и назвал себя священником того Иерусалима.

Когда чтение грамоты и все возражения против нее окончились, Никон обратился к государю и сказал: "Бог тебя судит; я еще на избрании своем узнал, что тебе, государю, быть добру ко мне только до шести лет, а потом быть мне возненавиденным и мучимым". "Допросите его, - сказал царь патриархам, - как он то узнал на избрании своем". Но Никон на вопрос патриархов ничего не отвечал. "Сказывал Никон, - заметил Рязанский архиепископ Иларион, - что видел звезду метлою, и от того будет Московскому государству погибель; он бы поведал, от коего духа то узнал". *Никон*: "И в древнем законе такие знамения бывали; авось-де на Москве то и сбудется. Господь пророчествовал на горе Елеонской о разорении Иерусалима за четыреста лет". И патриархи велели Никону идти на подворье.

Заседание было слишком продолжительно. Начавшись в третьем часу дня, оно окончилось во втором часу ночи и более всех должно было утомить царя и патриарха Никона, которые одни почти и действовали и все время оставались на ногах. Все заседание посвящено было только допросам Никона. Обвинения, по которым допрашивали его, указывал сам царь, и главных обвинений было два. Первое состояло в том, что Никон самовольно отрекся от престола и оставил Церковь, от чего в ней произошли многие смуты и она девятый уже год оставалась без архипастыря. Второе - в том, что Никон в своих письмах к Восточным патриархам изрек многие бесчестия и укоризны на государя, оклеветал его. Из расспросов по первому обвинению уяснилось, что Никон оставил свою кафедру и Церковь единственно из-за гнева государя к нему лично - причина совершенно недостаточная; если и был на него гнев государя, то ему, Никону, следовало, как справедливо заметили ему патриархи, посоветоваться с архиереями и бить челом государю, просить у него прощения,

а не покидать Церкви, и на такое долгое время. Из допросов по второму обвинению, или, что то же, из чтения грамоты Никоновой к патриарху Дионисию, хотя обнаружилось, что не все Никон написал про царя неправду и по некоторым делам объяснения, высказанные на Соборе царем, нельзя признать удовлетворительными, но обнаружилось также, что Никон действительно написал про государя важные укоризны, клеветы, неправды, которые и подтвердить чем-либо отказался, например, будто царь вмешивался в архиерейские дела, будто он из-за Никона многих мучил, посылал в заточение, будто за нападки на Уложение, его, Никона, много раз хотели убить и пр. Обнаружилось еще, что Никон сам собою, без Собора низложил и подверг жестокому наказанию епископа Коломенского Павла и нанес в своей грамоте к Дионисию бесчестие не одному государю, но и всем сынам Русской Церкви, якобы они уклонились от Восточного православия и соединились с Римским Костелом. Патриархи Паисий и Макарий мало говорили в этом заседании, лишь изредка предлагали вопросы и делали замечания. Из русских архиереев и из чинов царского синклита говорили немногие и немного, когда признавали то нужным и уместным, а из греческих архиереев не говорил никто, даже Паисий Лигарид, вероятно, потому, что они не понимали русского языка, на котором происходили все допросы Никону и его ответы, равно как и все объяснения царя.

Шестое заседание Собора, судебное третье, происходило в той же столовой избе государевой 3 декабря, в понедельник. Присутствовали как патриархи с архиереями и прочим духовенством, так и сам царь с своим синклитом, но Никон не был приглашен, вероятно, потому, что теперь не предлагалось никаких новых обвинений против него, а только подтверждались, пояснялись и обсуждались прежние, по которым он уже был допрошен в предшествовавшем заседании, и только доканчивалось то, чего тогда не успели кончить: суд теперь был заочный. Лишь только заседание открылось, государь сошел с своего царского места и говорил к патриархам: "Приношу жалобу вместе с митрополитами, архиепископами и епископами и всем освящ. Собором, с боярами, окольными и со всем синклитом на Никона, бывшего патриарха, что он, бранясь с митрополитом Газским, в письме своем к Цареградскому патриарху назвал меня, и весь освященный Собор, и всего моего царства людей еретиками, будто мы отложились от св. Восточной апостольской Церкви и приложились к Римскому Костелу. А св. мать наша соборная наша Церковь имеет в себе многоцелебную ризу Спасителя нашего и Бога, и мощи святителей и чудотворцев Московских, и мы веруем истинно, по преданию св. апостолов и св. отцов, и должны умирать за свою православную веру и за св. Божии Церкви. Рассудите нашу жалобу и очистите меня, и освящ. Собор, и всех православных христиан нашего царства от того Никонова названия". И, окончив речь, государь поклонился патриархам, а за ним и весь Собор, и весь синклит поклонились патриархам до земли. Патриархи в ответ на эту жалобу, которая была приносима и в предшествовавшем заседании, сказали: "То дело великое, и за то дело надобно стоять крепко. Если Никон назвал тебя, государь, и весь Собор, и всех в вашем царстве еретиками, то назвал также еретиками и нас, будто мы к еретикам пришли творить суд. Но мы в Московском государстве

видим православных христиан, имеющих истинную веру греческого закона. По правилам св. апостолов и св. отцов, кто на кого клеветает или кого обвиняет в каком-либо злом деле и не докажет обвинения, тот сам подвергается наказанию, какого заслуживал бы обвиняемый им, если бы оказался виновным, а кто взведет на кого еретичество и не докажет, такой клеветник достоин, если священник, извержения, а если мирянин, проклятия. Никон назвал тебя, государя, и всех у вас православных христиан еретиками, и мы будем судить его по правилам св. апостолов и св. отцов". Тут государь рассказал патриархам, что вчера, 2 декабря, он посылал к Никону яства и питье, но Никон не принял и сказал, что у него и своего есть много и будто он о том государю не приказывал. Патриархи заметили: "Никон делает все, исступя ума своего".

Последовали и другие дополнения и пояснения к тому, что говорилось в предшествовавшем заседании.

Тогда говорили и свидетельствовали, что Никон отрекся от своего патриаршего престола, а Никон утверждал, что не отрекался, теперь государь представил патриархам три письма к нему Никона, в которых последний сам называл себя бывшим патриархом, и письма эти были прочитаны в собрании. Представил также государь и письмо к нему Никона, присланное с стольником Матвеем Пушкиным, где Никон излагал свое согласие, чтобы в Москву избран был новый патриарх при известных условиях. И это письмо было прочитано.

Государь сказал в прошлом заседании, что он не писал про Никона никаких укорительных слов в своих грамотах к Восточным патриархам, тогда как Никон в своих грамотах к ним написал про него многие бесчестия и укоризны; теперь государь велел прочитать вслух всех для примера грамоту, посланную им к Александрийскому патриарху Паисию, об отшествии Никона с престола и, когда грамота была прочитана, вновь жаловался на клеветы и укоризны, какие написал про него Никон. Патриархи Паисий и Макарий сказали: "Никон писал такие укоризны, думая, что и все таковы, каков он сам. В царственных книгах написано: кто обличится во лжи однажды и трижды, тому впредь верить ни в чем не должно. А бывший патриарх Никон обличился во многих лжах, и ему не подобает ни в чем верить".

Никон назвал в прошлом заседании митрополита Питирима и Павла своими недругами, будто они хотели его отравить; теперь оба митрополита подали патриархам свое письмо, очищая себя от клеветы, и патриархи велели своему переводчику, архимандриту Дионисию, принять эту бумагу. А государь приказал прочитать письмо к нему патриарха Никона, в котором последний так несправедливо и так резко порицал Питирима и самого царя за совершенное Питиримом действие в неделю ваий. И письмо было прочитано.

В прошлом заседании государь сказал, что Газский митрополит Паисий оправдался против клевет Никона; теперь Павел, митрополит Сарский, поднес патриархам самое "сыскное дело" о Газском митрополите, производившееся еще прежде соборне вследствие взведенных на него Никоном обвинений и

обнаружившее, что Паисий православен. И патриархи то дело велели принять. Сказал еще в прошлом заседании государь про Коломенского епископа Павла, как изверг и заточил его Никон; теперь государь вновь речь о Павле и просил патриархов, чтобы они "извержение его рассмотрели".

Вспомнили также государь и патриархи про жалобу Никона, что его домового человека ударил государев окольничий Хитрово и что будто бы это бесчестие восходит и на него, Никона. И государь рассказал: однажды, когда Никон был еще на патриаршестве, его домовый человек Григорий Верещагин разломал предо мною мост. Я послал виновного к Никону и велел сказать ему, что человек его разломал предо мною мост, но Никон отвечал: "Для чего государь сам не управился с Верещагиным за такое бесчестие; вина за то бесчестие не восходит на меня". А патриарх Антиохийский Макарий сказал: "В то время, как у царского величества был стол для грузинского царя Геймураза, Никон патриарх прислал туда своего человека, чтобы учинить смуту. Но в градских законах написано, кто меж царей учинит смуту, тот достоин смерти, и потому, кто ударил человека Никонова, того Бог да простит". И, поднявшись, осенил в знамение этого прощения своими благословляющими руками окольничего Богдана Матвеевича, который и ударил ему на благословение челом. Затем патриарх Антиохийский рассказал про два случая, бывшие в то время, как он в первый раз находился в Москве (1655 - 1656). Сербский архиепископ (патриарх) Гавриил ходил помолиться в Троицкий Сергиев монастырь и на возвратном пути оттуда остановился в селе Пушкине на поле. Мужики этого села, патриаршие крестьяне, напали на архиепископа и били его ослопьями. Прибыв в Москву, он принес жалобу патриарху Никону, и Никон управы не дал, а сказал только: "Мужики спьяна то сделали". Другой случай: в соборной церкви, в алтаре при совершении литургии Никон снял шапку с одного архиерея и всячески бранил его за то только, что он во время каждения держал кадило за кольцо, а не за цепи.

Тот же патриарх Макарий говорил: "Подобает в навечерии Богоявления святить воду в церкви, а в самый праздник Богоявления исходить на иордан днем, чтоб всем было видимо; патриарх же Никон ходил на иордан в навечерии праздника, а не в самый праздник..." А оба патриарха говорили государю: "Никон писался патриархом Нового Иерусалима - кто его поставил в Новый Иерусалим патриархом? Другого Иерусалима на земле нет". И еще: "Мы слышим про Никона, что он позабрал себе многие монастыри и вотчины; дозвожь, государь, всем, кого чем-либо обидел Никон, приносить нам на него жалобы - и их наберется много".

Наконец, государь сказал, чтобы патриархи "ехали к себе, и нынешнего дня ввечеру или, как они изволят, велели быти к себе властям, и с ними советovati, и дел слушати у себя, где они стоят". Значит, кроме открытых заседаний Собора по делу Никона были еще домашние заседания и совещания у патриархов в их кельях.

На *седьмое* заседание Собора, четвертое судебное, 5 декабря, в среду, собрались в столовой избе государя те же самые лица, духовные и светские, которые присутствовали на прежних заседаниях. И патриархи сказали, что нужно позвать на Собор бывшего патриарха Никона, и послали за ним двух епископов, Вятского Александра и Мстиславского Мефодия, с двумя архимандритами. Никон пришел, как и прежде, в преднесении ему креста и, вступив в царскую столовую, проговорил вход и молитву и поклонился государю до земли дважды, а потом кланялся патриархам, властям, боярам и пр. В настоящем заседании объявлялись Никону главные на него обвинения, против которых он возражал, пытаясь отрицать компетентность самих судей своих; читались правила Церкви для суда над ним, против которых он также возражал, и состоялся самый приговор над ним. Все это происходило не в порядке, а смешанно, с перерывами и отступлениями, по крайней мере в таком виде изложено в современной записи.

Вначале Александрийский патриарх Паисий, судия вселенной, говорил государю, и всему Собору, и всему царскому синклиту, что они, патриархи, пришли в царствующий град Москву не для какой-либо милостыни и не по нужде, а по письму великого государя, чтобы судить бывшего патриарха Никона, оставившего святую соборную Церковь и свой патриаршеский престол с клятвою. И затем, обратившись к Никону, объявил ему первое и самое важное на него обвинение: "Ты отрекся своего патриаршего престола с клятвою и отошел без правильной вины". *Никон*: "Я не отрекся патриаршеского престола с клятвою, я свидетельствовался небом и землею и отошел от государева гнева. А ныне да будет, что царское величество изволит, и я пойду, куда государь укажет: благое по нужде не бывает". *Патриархи*: "Многие слышали, как ты отрекся от патриаршества с клятвою". *Никон*: "То на меня затеяли, а если я не годен, я не домогаюсь возвращения на престол и пойду туда, куда царское величество изволит". Патриархи перешли к другому обвинению на Никона и спросили его: "Кто велел тебе писаться патриархом Нового Иерусалима?" *Никон*: "Я не писался и не называл себя патриархом Нового Иерусалима". "Нет, писался", - заметил Рязанский архиепископ Иларион и показал письмо, писанное рукою Никона. Никон взглянул и молвил: "Рука моя, разве описался?.."

Никон понимал, к чему идет дело, и решил заявить сомнение об авторитетности своих судей, патриархов, и сказал: "Рязанский архиепископ Иларион говорит, что я называл патриархов (Паисия и Макария) неистинными патриархами, и я действительно так их назвал, потому что на их престолах, как я слышал от греков, теперь другие патриархи, - пусть государь прикажет свидетельствовать и патриархи пусть присягнут на Евангелии". *Патриархи*: "Мы - истинные патриархи, ненизверженные, и сами не отрекались от своих престолов, разве турки без нас что учинили. Если же кто дерзнул вступить на какой-либо из наших престолов вопреки правил и по принуждению от турок, то он не патриарх, но прелюбодей. А клясться на св. Евангелии архиерею не подобает". *Никон*: "От сего часа, свидетельствуюсь Богом, я не стану говорить пред вами, патриархами, пока Константинопольский

и Иерусалимский сюда не будут" (хотя, как увидим, Никон скоро нарушил это свое обещание и опять говорил пред судившими его патриархами). Архиепископ Иларион Никону: "Как ты не боишься суда Божия, Вселенских патриархов бесчестишь..."

Патриархи возвратились к первому и важнейшему обвинению на Никона и говорили ко всем архиереям и освященному Собору: "Скажите правду, действительно ли Никон отрекся с клятвою патриаршеского престола?" Питирим, митрополит Новгородский, Иоасаф, архиепископ Тверской, равно архимандриты и игумены, служившие в соборной церкви с патриархом Никоном в день его отречения, отвечали, что он отрекся патриаршеского престола с клятвою и сказал: "Если буду патриархом, анафема буду". *Никон*: "Я не имею притязания быть опять на престоле патриаршеском, но кто после меня будет патриархом, тот анафема будет - так я и писал к великому государю, чтобы без моего совета не поставил иного патриарха". *Тверской архиепископ*: "Как Никон отрекался патриаршеского престола, мы умоляли его, чтобы не покидал престола и возвратился, но он отвечал, что, отрекшись раз, более не будет патриархом, а если возвратится, анафема будет". *Никон*: "Меня не звали, и я с клятвою не отрекался престола". *Архиереи*: "Мы звали тебя, и ты не послушал - тому много свидетелей". *Окольничий Богдан Матвеевич Стрешнев*: "Как посылал государь в то время князя Алексея Никитича Трубецкого да меня в церковь спросить Никона, почему он оставляет патриарший престол и хочет идти, Никон отвечал: "Я обещался быть на патриаршестве три года и больше не буду". *Никон*: "Не имею притязания на престол, волен великий государь". *Думный дьяк Алмаз Иванов*: "Никон говорил и писал к великому государю в грамоте: "Не подобает мне возвратиться на престол, как псу на свою блевотину". *Никон*: "Не говаривал я того и не писывал, но не меня только, а и Иоанна Златоуста изгнали несправедно". *Архиереи*: "Тебя никто не изгнал, ты сам отошел с клятвою". Никон к государю: "Как на Москве учинился бунт, ты, царское величество, и сам неправду свидетельствовал, а я пошел, устрашась твоего государева гнева". Государь Никону: "Говоришь на меня непристойные слова, бесчестя меня. Никто бунтом ко мне не прихаживал, а если приходили земские люди, то не на меня, государя, а приходили бить мне челом об обидах". И весь Собор и синклит говорили Никону: "Как ты не страшишься Бога, непристойные слова говоришь и бесчестишь великого государя". *Патриархи*: "Ты, как покинул Престол, писался бывшим патриархом". *Никон*: "И Григорий Богослов и Афанасий Великий, как отходили с престолов, были также бывшими патриархами". *Патриархи*: "Они своих престолов с клятвою не отрекались, а ты, как снимал с себя в соборной церкви свящ. одежду, оставляя патриаршеский престол, говорил: "Я не достоин и не буду патриархом; если буду патриархом, анафема буду". *Никон*: "Григорий Богослов и Афанасий Великий сходили с престолов и опять престолы свои приняли, и я свидетельствовался, что по нужде отошел, от гнева государева". *Александрыйский патриарх*: "Какой то гнев на тебя государя, что он не шел к тебе в церковь на торжества? Того и в гнев ставить нечего: много у великого государя бывает дел". *Государь*: "Допросите Никона патриарха по Христовой заповеди, с чего он осердился на меня, когда окольничий Богдан

Матвеевич Хитрово ударил за бесчиние его домового человека, и нудил ли я его, Никона, чтобы простил Богдана Матвеевича?" Никон ответа не дал и молчал.

Патриархи велели читать святые правила по-гречески Амасийскому митрополиту Козьме, а по-русски Рязанскому архиепископу Илариону или, точнее, читать известный свиток четырех патриархов, в котором сведены были святые правила против Никона, и на основании их уже произнесен был над Никоном приговор всеми Восточными патриархами. Когда начали читать этот свиток и когда архиепископ Иларион прочел из 14-й главы свитка второе правило Собора, бывшего в храме святой Софии: "Аще кто (из архиереев) дерзнет сам себя устранить от архиерейского места, да не возвращается к прежнему достоинству, которое самым делом отложил", Никон возразил: "Те правила не апостольские, и не Вселенских, и не Поместных Соборов; я не принимаю тех правил и не хочу слушать". *Павел, митрополит Крутицкий*: "Те правила приняла св. апостольская Церковь". *Никон*: "Тех правил в русской Кормчей нет, а греческие правила не прямые; те правила патриархи от себя сочинили, а не из правил взяли; после Вселенских Соборов - все враки, а печатали те правила еретики; я не отрекался от престола, то на меня затеяли". *Павел митрополит*: "Те правила находятся и в нашей русской Кормчей" (это совершенно верно). *Никон*: "Кормчая книга не при мне напечатана". *Архиереи*: "Кормчая напечатана при Иосифе патриархе, а исправлена и роздана при твоём патриаршестве, как и свидетельствует о том сама Кормчая, и из той Кормчей книги сам ты велел выписывать по многим делам правила и градские законы и множество дел вершил".

Чтение правил было приостановлено, и патриархи предложили Никону еще несколько вопросов и выслушали его ответы. *Патриархи*: "Сколько епископов судят епископа и сколько патриарха?" *Никон*: "Епископа судят двенадцать епископов, а патриарха вся вселенная". *Патриархи*: "А вот ты один осудил и изверг епископа Коломенского Павла не по правилам". *Никон*: "Я его не изверг, а только снял с него пеструю мантию и сослал в монастырь под начало". *Патриархи*: "Сослал его в монастырь, и там его мучили, и он из монастыря пропал без вести..." *Патриархи*: "Для чего ты носишь черный клобук с херувимом и две панагии?" *Никон*: "Черные клобуки носят греческие патриархи, и я от них взял, а херувим на клобуке ношу потому, что херувимы на белых клобуках у Московских патриархов. Две панагии ношу вот почему: с одной я отошел от патриаршества, а другую, как крест, в помощь себе ношу". *Архиереи*: "Как отрекся Никон престола, то белого клобука с собою не взял, а взял простой греческий клобук, и ныне, однако ж, носит клобук с херувимом - то он собою учинил". *Патриархи*: "Прежде ты не имел обычая носить пред собою знамение креста - откуда этому научился?" *Никон*: "Крест есть победное знамя всех христиан против врагов видимых и невидимых". *Патриархи*: "Правда, но как дерзнул ты, уже по отречении от престола и идя на суд, делать то, что не делал во время своего патриаршества?" Никон ничего не отвечал, и патриархи приказали своему архиерейскому диакону взять

крест из рук Никонова дьякона, говоря: "Ни у кого из православных патриархов нет в обычае, чтобы пред ним носили крест; Никон взял то у латынников".

Патриархи вновь велели читать святыя правила, а Никону сказали, чтобы он слушал. *Никон*: "Греческия правила непрямыя, печатали их еретики". *Патриархи*: "Напиши и подпиши своею рукою, что наша Книга правил еретическая и правила в ней непрямыя, и укажи, что именно в этой книге еретического". Никон никакой ереси в тех правилах не указал, и рукописания своего о том не дал. И патриархи говорили всем архиереям, греческим и русским, что греческия правила святы и православны. А архиереи, греческия и русския, сказали: "Которыя правила читаны здесь - все православны".

Видя, что Никон не хочет подчиняться священным правилам, попытались подействовать на него авторитетом патриархов. И Макарий Антиохийский спросил его: "Ведомо ли тебе, что Александрийский патриарх - судия вселенский?" *Никон*: "Там себе и суди. Но в Александрии и Антиохии ныне нет патриархов: Александрийский живет в Египте, Антиохийский в Дамаске". *Патриархи*: "А где жили эти патриархи, когда утвердили вместе с двумя другими патриаршество в России?" *Никон*: "Я в то время не велик был" (вернее, еще не родился). *Патриархи*: "И тогда жили патриархи - Мелетий Александрийский и Иоаким Антиохийский в тех самых местах, где живем мы, и, однако ж, почитались истинными патриархами. Если же вы нас ради одного переселения не считаете законными патриархами, то так же незаконны были и те наши предшественники, а в таком случае нельзя считать законным и патриаршество в России, которое они утвердили". Государь спросил Никона: "Веришь ли ты всем Вселенским патриархам и что патриархи Александрийский и Антиохийский пришли к Москве по согласию с прочими патриархами? Вот свиток, подписанный их собственными руками". Никон посмотрел на подписи патриархов и сказал: "Я рук их не знаю". *Макарий Антиохийский*: "То истинныя руки патриаршеския". Никон Макарию: "Широк ты здесь, а как-то дашь ответ пред Константинопольским патриархом?" И все архиереи и бояре закричали к Никону: "Как ты не боишься Бога? Великого государя и патриархов бесчестишь и всякую истину ставишь во лжу". Антиохийский патриарх сказал: "Иногда и сатана по нужде говорит истину, а Никон истины не исповедует". Александрийский же патриарх, обратившись к Никону, произнес слова 84-го апостольскаго правила: "Аще кто досадит царю не по правде, да понесет наказание, и, аще таковой будет из клира, да будет извержен от священнаго чина".

После этого патриархи спросили архиереев и весь освященный Собор: какому наказанию подлежит патриарх Никон по канонам Церкви? И все архиереи, сперва греческия, потом русския, и весь освященный Собор отвечали: "Да будет извержен от священнаго чина".

Тогда оба патриарха, поднявшись с своих мест, от имени всех четырех Восточных патриархов и всего освященнаго Собора сказали Никону: "Ныне тебя, Никона, бывшаго патриарха, по правилам св. апостол и св. отец извержем,

и отселе не будеши патриарх, и священная да не действуеши, но будеши, яко простой монах". И сказали ему главные вины его: а) ты патриаршеского престола отречеся с клятвою и отошел без всякой правильной вины, сердитую на великого государя; б) ты писал ко Вселенскому Константинопольскому патриарху Дионисию, что на Руси престало соединение с св. Восточною Церковию, и от благословения святейших Вселенских патриархов отлучились, и приложились к Западному Костелу, и тем ты, Никон, святую православную (Русскую) Церковь обругал, и благочестивого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всея Великия, и Малыя, и Белья России самодержца, и весь священный Собор, и всех православных христиан обесчестил, и назвал всех еретиками; в) ты же, Никон, и нас, истинных православных патриархов, бесчестил, называл не патриархами и правила соборные Церкви называл ложными, и враками, и будто еретики их печатали; г) да ты же, Никон, Коломенского епископа Павла без Собора, вопреки правил изверг, и обругал, и сослал в ссылку, и там его мучил, и он пропал безвестно - и то тебе извержение вменится в убийство".

Сказав Никону вины его, патриархи, замечает современная запись, "велели ему идти на подворье и быть там до указа. А как святейшие патриархи кир Паисий и кир Макарий бывшего патриарха судили, в то время великий государь стоял у своего государева места".

Приговор, произнесенный теперь над Никоном, был только словесный и указывал лишь главные вины его. Необходимо было, чтобы приговор был изложен в письмени, с возможною полнотою определял виновность Никона и подписан был всеми членами Собора. И патриархи еще пред выходом из последнего заседания дали приказ написать соборный приговор этот на двух языках, греческом и русском. Спустя два дня, именно 8 декабря, патриархи, как замечено в современной записи, сидели у государя три часа наедине. О чем совещались они, неизвестно. Но вечером того же числа, точнее, ночью под 9 декабря, Павел, митрополит Крутицкий, с доклада великого государя писал архимандриту рождественскому Филарету да дьяку Авраму Кашееву следующее: "Ведомо учинилось святейшим патриархам и всему освященному Собору, что Никон, бывший патриарх, находясь в монастырях Воскресенском, Иверском и Крестном, чинил градское наказание старцам тех монастырей, службникам, крестьянам и сторонним людям, приказывал бить их кнутьем, ломать им руки и ноги, а иных пытать и казнить казнями градскими, так что иные, пытаные и казненные, и померли. И вам бы розыскать накрепко тихим обычаем, чтоб нешумно было, кому именно из старцев и других людей в тех монастырях Никон чинил градское наказание, кого бил кнутом, у кого ломал руки и ноги, кого пытал и казнил градскими казнями, где ныне те люди и не умер ли кто из них, да и разыскать бы про все тихим образом и подлинно". Архимандрит Филарет и дьяк Кашеев отправились в Воскресенский монастырь, и скоро прислан был оттуда в Москву один из старцев, испытавших на себе тяжелую руку Никона, и представлен патриархам и всем архиереям. Это был духовник Никона старец Леонид, уже расслабленный и с избитыми ногами, около двух лет содержавшийся по приказанию Никона в сырой тюрьме под

стражею, в тяжелых оковах и терпевший истязания. Он трогательно рассказывал, как и за что подвергнут был таким страданиям, и все не без слез внимали его рассказу. Это обстоятельство послужило новым обвинением против Никона, которое и внесли в составлявшийся тогда письменный о нем приговор.

Когда приговор был написан по-гречески и по-русски, состоялось 12 декабря *осьмое*, и последнее, собрание Собора, производившего суд над Никоном. Все архиереи и прочие духовные особы собрались не в столовой избе государя, а в кельях патриархов, в Чудовом монастыре, куда переехали они с прежней своей квартиры, с Кирилловского подворья, еще 25 ноября. От лица государя присланы были - сам он не пожаловал в это собрание - бояре: князь Никита Одоевский, князь Григорий Черкасский, князь Юрий Долгорукий, князь Иван Воротынский, думный дворянин Елеазаров, стольник князь Петр Прозоровский и многие другие чиновники. Патриархи послали епископа Мстиславского Мефодия и нижегородского Печерского монастыря архимандрита Иосифа позвать Никона, а сами со всеми духовными и светскими лицами отправились в церковь Благовещения Пресвятой Богородицы, находившуюся подле их келий над задними воротами Чудова монастыря. Здесь все архиереи, уже одетые в мантии, возложили на себя епитрахили, омофоры и митры, а архимандриты и игумены облачились в свои священные одежды. Как только вошел Никон в церковь, сделал поклонение иконам и по обычаю присутствующим в церкви, патриархи, совершив со всем духовенством краткое молебствие, приказали читать соборный приговор, или "Объявление о низложении Никона". Сначала приговор прочитан был по-гречески пресвитером и экономом великой Церкви Антиохийской Иоанном, а потом читан был громогласно по-русски Рязанским архиепископом Иларионом. Слушая последнее чтение, Никон, замечает Лигарид, по временам ворчал и подсмеивался. В этом письменном приговоре вины Никона указаны были подробнее и обстоятельнее, нежели прежде в приговоре словесном, и именно следующие: 1) Никон сам сложил с себя все архиерейское облачение среди великой Церкви, вопя: "Я более не патриарх Московский и не пастырь, а пасомый и недостойный грешник"; потом с великим гневом и поспешностью отошел и оставил свою кафедру и вверенную ему паству самовольно, без всякого понуждения и нужды, увлекаясь только человеческою страстию и чувством мщеничества к некоему члену синклита, ударившему его патриаршего слугу и прогнавшему от царской трапезы. 2) Никон хотя с притворным смирением удалился в созданный им монастырь будто бы на безмолвие, на покаяние и оплакивание своих грехов, но и там (вопреки 2-му правилу Собора, бывшего во храме святой Софии) совершал все архиерейское и рукополагал невозбранно и назвал тот свой монастырь Новым Иерусалимом и разные места в нем Голгофою, Вифлеемом, Иорданом, как бы глумясь над священными названиями, а себя хищнически величал патриархом Нового Иерусалима. 3) Хотя совершенно оставил свою кафедру, но коварно не допускал быть на ней иному патриарху, и государь, архиереи и синклит, понимая это лукавство, не осмеливались возвести на Московский престол иного патриарха, да не будут разом два патриарха, один вне столицы, другой внутри, и да не явится сугубое

разноначалие, что и заставило государя пригласить в Москву Восточных патриархов для суда над Никоном. 4) Анафематствовал в неделю православия местных архиереев без всякого расследования и соборного решения и двух архиереев, присланных к нему от царя, назвал одного Анною, другого Каиафою, а двух бывших с ними царских бояр - одного Иродом, другого Пилатом. 5) Когда был позван нами, патриархами, на Собор дать ответ против обвинений, то пришел не смиренным образом и не переставал осуждать нас, говоря, что мы не имеем своих древних престолов, а обитаем и скитаемся, один в Египте, другой в Дамаске. 6) Наши суждения, изложенные в свитке четырех патриархов против его проступков, и приведенные там святые правила называл баснями и враками; отвергал вообще вопреки архиерейской присяге правила всех Поместных Соборов, бывших в православной Церкви после Седьмого Вселенского Собора, а наши греческие правила с великим бесстыдством именовал еретическими потому только, что они напечатаны в западных странах. 7) В грамотах своих к четырем Восточным патриархам, попавших в руки царя, писал, будто христианнейший самодержец Алексей Михайлович есть латинумудреник, мучитель, обидчик, Иеровоам и Озия. 8) В тех же грамотах писал, будто вся Русская Церковь впала в латинские догматы и учения, а особенно говорил это о Газском митрополите Паисии, увлекаясь чувством зависти. 9) Низверг один, без Собора, Коломенского епископа Павла и, расвирепев, совлек с него мантию и предал его тягчайшему наказанию и биению, от чего архиерею тому случилось быть как бы вне разума, и никто не видел, как погиб бедный, зверями ли растерзан или впал в реку и утонул. 10) Даже своего отца духовного велел безжалостно бить и мучить целые два года, вследствие чего он сделался совершенно расслабленным, как то мы сами видели своими глазами, и, живя в Воскресенском монастыре, многих людей, иноков и бельцев, наказывал градскими казнями, приказывая одних бить без милости кнутами, других палками, третьих жечь на пытке, и многие от того умерли, как свидетельствуют достоверные свидетели. "Узнав из всего этого, - продолжали патриархи вместе со всем Собором в своем приговоре, - что Никон действовал не по-архиерейски и с кротостию, а несправедливо и тиранически, мы на основании канонов святых апостолов и святых Соборов, Вселенских и Поместных, совершенно низвергли его от архиерейского сана и лишили священства, да вменяется и именуется он отныне простым монахом Никоном, а не патриархом Московским, и определили назначить ему местопребывание до конца его жизни в какой-либо древней обители, чтобы он там мог в совершенном безмолвии оплакивать грехи свои". Надобно заметить, что приговор, прочитанный над Никоном, не был еще подписан никем, он подписан, как увидим, членами Собора уже впоследствии, спустя более месяца, и что последняя статья, касающаяся духовника Никонова, внесена в приговор после прочтения его, потому что духовник этот представился Собору только 13 декабря. По прочтении приговора патриархи велели через переводчика Никону, чтобы он снял с себя клобук с жемчужным серафимом, но Никон не согласился. Тогда Александрийский патриарх как судья вселенский тихо подошел к Никону и сам снял с головы его патриарший клобук, а надел на нее простой клобук, который снял с находившегося вблизи греческого монаха. Потом сняли патриархи с Никона и сребропозлащенную

панагию, украшенную жемчугом и другими драгоценными камнями, и Никон сказал: "Возьмите все это себе, бедные пришельцы, и разделите на ваши нужды". Но патриархи не взяли, а передали как клобук, так и панагию Никона стоявшему при нем монаху его Марку. "Возьмите и мою мантию, если желаете", - сказал Никон. "Следовало бы, - отвечали ему, - снять с тебя теперь же и архиерейскую мантию, но по сильному ходатайству великого государя дозволяем тебе носить ее, пока не придешь в назначенную тебе для жительства обитель". Т. е. мантии и посоха не взяли теперь у Никона, "страха ради всенародного". Наконец, объявив ему, что он уже не патриарх, а простой инок и должен идти на место своего покаяния в Ферапонтову обитель в Белозерских пределах, отпустили его из церкви.

Сохранилось хотя краткое, но драгоценное суждение о суде и приговоре над Никоном одного из лиц, участвовавших в этом суде и подписавших этот приговор, именно Черниговского епископа Лазаря Барановича, мужа, сколько просвещенного, столько же благочестивого и не имевшего никаких побуждений относиться к Никону неприязненно и несправедливо. В письме своем к киево-печерскому архимандриту Иннокентию Гизелю тотчас по возвращении с Московского Собора Баранович писал: "Бывшего патриарха низложило собственное ему упорство. Он самовольно отказался от престола, всенародно, в виду клира и народа, сложил с себя патриаршеские отличия, и что он сам отказался, в том дерзновенно и признание учинил, слагая причину удаления своего с престола на гнев царский, но смирение все бы победило. Надобно было изумляться благодушию и кротости царя: заливаясь слезами, он исторгал слезы у зрителей. Доказано было со стороны царя, что Никон, не подвергаясь никакому преследованию, незаконно оставил свою паству. Смирение одержало бы верх, но оно вовсе оскудело: в порыве гнева Никон укорял и Восточных патриархов в том, что они, лишившись своих престолов, незаконно требуют его к суду, - всех против себя восставил... Изложены были (пред Собором) противозаконные его поступки, жестокое управление его клиром, низвержение им собственною своею властью одного епископа, что послужило причиною скоропостижной смерти его от умопомешательства. Приговор Собора прочитан был всенародно, сперва на греческом, а потом на славянском языке, в домово́й церкви у патриархов. После того велели Никону снять свой клобук, украшенный серафимом, но он не послушался. Тогда Александрийский патриарх как вселенский судья сам сбросил с него клобук и надел на него простой, дабы показать, что с этого времени он монах-простец. Зрелище было изумительное для глаз и ужасное для слуха. Я страдал и издыхал от ударов, переносил ужасы и упал духом, когда погасло великое светило".

Выходя из церкви, в которой выслушал соборный приговор над собою, Никон говорил вслух народа, толпившегося вокруг: "Погибла ты, правда, господствует ложь; не следовало тебе, Никон, так смело говорить правду царю и боярам, а льстить бы им и угождать, и ты не дожил бы до такого осуждения". Сел в свои сани и в сопровождении двух архимандритов, назначенных от Собора, и своих приближенных отправился на подворье, где проживал. На другой день ранним утром пришел к Никону от царя окольный Иродион

Стрешнев и принес серебряных денег и различных одежд, собольих и лисьих, для дороги. Но Никон ничего не принял и велел возвратить царю. Стрешнев сказал еще Никону, что царь просит у него благословения себе, царице и всему своему дому. Никон отвечал: "Если бы благоверный царь желал от нас благословения, он бы не явил нам такой немилости" - и благословения царю не дал. Пришли затем посланные от патриархов и всего Собора взять у Никона его клобук и панагию, врученные вчера его монаху Марку, и Никон велел отдать, а архиереи передали тот клобук и панагию в соборную церковь, в патриаршую казну. Пришел, наконец, от царя полковник Аггей Шепелев и сказал Никону, что назначен провожать его в Ферапонтов монастырь и что велено немедленно отправляться в путь. В Кремле собралось множество народа, но между собравшимися пустили слух, что Никон поедет из Кремля в Спасские ворота по Сретенке, и, когда народ отхлынул в Китай-город, чтобы там удобнее видеть проезд Никона, его быстро повезли из Кремля в Арбатские ворота на Каменный мост. Двести стрельцов с своими начальниками сопровождали поезд за самый Земляной город, а отсюда поехал провожать Никона только полковник Шепелев с пятьюдесятью стрельцами. С Никоном отправились из Москвы в Ферапонтов монастырь два иеромонаха, два иеродиакона, один монах и два человека-бельца, а патриархи и Собор с соизволения государя велели ехать вслед за Никоном нижегородскому печерскому архимандриту Иосифу и как в дороге, так и по приезде в монастырь строго наблюдать, чтобы Никону никакого оскорбления никто не чинил, а сам Никон никаких писем не писал и никуда не посылал. К 21 декабря Никон прибыл с своими спутниками в Ферапонтов монастырь еще до рассвета и встречен был одним лишь игуменом, который и отвел ему для помещения две больничные кельи, так как все прочие кельи монастыря повреждены были незадолго пред тем случившимся пожаром. С наступлением утра к Никону явились сопутствовавшие ему архимандрит Иосиф и полковник Шепелев и объявили, что по указу царскому и благословию патриархов и Собора они должны взять от него, Никона, архиерейскую мантию и посох. Никон отдал без всякого прекословия, и мантия и посох отправлены были в Москву с одним ферапонтовским иеромонахом, а сами архимандрит Иосиф и полковник Шепелев с стрельцами остались жить при Никоне для охраны его впредь до государева указа.

Одновременно с тем, как происходило низложение Никона, делались распоряжения об изъятии из-под его власти всех трех монастырей, которыми он владел прежде. На другой же день после словесного над ним приговора, т. е. 6 декабря, уже послана была в Иверский монастырь царская грамота архимандриту Филофею и заместнику Паисию, чтобы они не слушались ни в чем поставленного Никоном строителя, старца Евфимия, и не давали ему никакой воли ни в монастырской казне, ни в монастырских вотчинах, равно как и никому другому, если еще кого пришлет Никон, а сами заведовали всем впредь до государева указа и чтобы теперь же оба прибыли в Москву, взяв с собою старца Филагрия с товарищи, которых прислал Никон в Иверский монастырь под начало. А 12 декабря, когда был прочитан и письменный приговор над Никоном, от патриархов и всего Собора с соизволения государя последовал приказ новоспасскому келарю Варлааму да подьячему Авдию

Федорову, чтобы они ехали в Крестный монастырь и сделали там подробную перепись всего имущества, монастырского и церковного, всей братии и службников, всех монастырских вотчин и прочих владений и, переписав, приказали ведать всем этим местному архимандриту, келарю, казначею и соборным старцам впредь до указа государева, а отнюдь не слушаться тех, кого будет присылать Никон; чтобы выслали в Москву из Крестного монастыря старца Евстратия и других, битых Никоном и сосланных туда из Воскресенского монастыря, и чтобы допросили иноков, службников и крестьян, которые по приказу Никона были биты кнутом, или какими пытками пытаны, или у кого руки и ноги ломаны, и взяли у тех людей сказки за руками их духовных отцов, и скоро прислали в Москву. Такое же распоряжение сделано было и относительно Воскресенского монастыря.

Патриархи, судившие вместе с Собором и осудившие Никона, сочли долгом уведомить об этом двух других патриархов, не присутствовавших на Соборе. В грамоте своей к Иерусалимскому патриарху Нектарию они писали: "Мы отошли от своих престолов (в землю Московскую), узрев твое письменное известие, что и твое блаженство имеешь намерение предпринять путь в те страны. А когда грамотоносец устно передал нам, что и Вселенский патриарх хочет послать своего экзарха, то еще более подвиглись идти туда, чтобы не произошло какого-либо изменения в тех главах, какие все мы, четыре патриарха, изложили (в известном свитке по делу Никона). Воспользовались мы и твоим кратким замечанием, которое приписал ты к тому свитку, находясь в Валахии, и не однажды, а дважды и трижды призывали Никона на суд, и он пришел, чтобы дать ответ против всех обвинений. Оказались кроме нам известных и иные, и большие, вины его, которые мы опасаемся передать в письмени во избежание огласки. Скажем только, что великая и превеликая скорбь была достойнейшему царю, который испускал из очей своих потоки слез и омочил ими даже пол палаты... А гордый Никон в такое пришел напыщение, что сам хиротонисал себя патриархом Нового Иерусалима, монастырь свой назвал Новым Иерусалимом и разные места в нем Св. Гробом, Голгофою, Вифлеемом, Назаретом, Иорданом. Мы освободили здесь своими многими молениями пред государем твоего грамотоносца Севастияна, находившегося в заключении... Подробно мы исследовали всю истину, и обрели Никона недостойным не только патриаршего престола, но и архиерейского сана, и по Божественным правилам и нашему патриаршему свитку лишили его всего священства, и послали в один из монастырей, да плачет о грехах своих. Надеемся по окончании этого дела и по хиротонисании нового патриарха, который будет избран соборне, возвратиться к нашим убогим престолом". В грамоте к Константинопольскому патриарху Парфению IV Александрийский и Антиохийский патриархи писали: "Да будет известно твоему о Господе братолюбю, что Богом венчанный царь Алексей Михайлович писал к нам, как и прочим Восточным патриархам, не однажды, а дважды и присылал своего человека (о первом посольстве Парфений мог не знать, как бывшем еще при его предместнике Дионисии), призывая нас к себе для рассуждения о некоем церковном деле и утверждая, что и от Вашего святейшества прислан будет муж вместо Вашего патриаршего лица. А о блаженнейшем патриархе

Иерусалимском мы были предуведомлены, что он с давнего уже времени находился на половине пути (в Россию), чтобы самому лично присутствовать на свящ. Соборе Московском. И потому, да не явимся разногласными "тоlikому единству патриаршескому" и непослушными великому государю, мы предприняли и совершили далекий и многотрудный путь. К сожалению, мы не нашли в Москве твоего братолюбия, как надеялись, и одни должны были приступить к рассмотрению церковного дела, которое еще прежде было уже прилежно обследовано и обсуждено здешним Поместным Собором. Мы обрели патриарха Никона виновным во многом: он досадил своими писаниями великому государю, соблазнил пресветлый синклит, укоряя его и именуя еретичеством и латинствоющим; в течение девяти лет оставлял Церковь во вдовстве, лишенную всякого церковного благолепия и патриаршей красоты, и всячески томил ее своими коварствами и хитростями; по отречении от своего престола, всенародном в соборном храме, снова литургисал и хиротонисал свободно и как бы сам хиротонисал себя патриархом Нового Иерусалима... И суд, который произнес на него Поместный Собор Московский, был совершенно чистый и во всем праведный, составленный по св. правилам и утвержденный по нашему патриаршему свитку. После самого внимательного изыскания и рассуждения мы совершенно низложили Никона всенародно в церкви и определили послать его в один из древних монастырей, чтобы ему плакаться там о грехах своих. И ныне патриарший престол Московский пребывает во вдовстве, пока Всевышний не укажет достойного жениха Своей Церкви... Надеемся, что обычная милостыня, какая делалась отсюда Константинопольскому и прочим патриаршим престолом, возобновится и даже будет в большем размере. Прибавим еще к нашему общему утешению, что с пришествием нашим сюда средостение вражды к нам здесь разрушилось, и можно надеяться, что мы снова достигнем здесь нашей прежней свободы, чести и славы, которые мы имели издревле и которые некоторые из наших обесчестили своими буйными и неистовыми поступками и тем заслужили презрение у здешних вельмож. Уповаем, что Вашими святыми молитвами мы по совершении начатого нами дела возвратимся к Вам для взаимного братского свидания и собеседования, а потом к нашим убогим престолом и вверенным нам паствам". Достоин замечания: в обеих своих грамотах патриархи Паисий и Макарий упоминают, что они вместе с Собором судили и осудили Никона согласно с известным свитком, составленным всеми четырьмя патриархами, и тем свидетельствуют, что не они одни, а и два остальные патриарха, Цареградский и Иерусалимский, участвовали в этом суде и осуждении.